

«ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ»: ЕКАТЕРИНА ЧИГАЛЕЙЧИК И АЛЕКСЕЙ КУДРИН О ЛОУТЕКЕ, ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА И ЭТНО- ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Беседовала Дарья Бокадорова

Для цитирования:

Чигалейчик, Е., Кудрин, А. (Авторы), Бокадорова, Д. (Инт.). (2019). «Терапевтическое поле»: о лутеке, изменении климата и этно-экологических исследованиях. *Фольклор и антропология города, II(3–4)*, 397–405. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-397-405.

ЕКАТЕРИНА ЧИГАЛЕЙЧИК — БАКАЛАВР ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СПбГУ, КАФЕДРЫ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ, МАГИСТР ГЕОГРАФИИ ИНСТИТУТА НАУК О ЗЕМЛЕ СПбГУ, СПЕЦИАЛИСТ ПО РАБОТЕ С ЛОКАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ ПРОЕКТА «СОЗДАНИЕ ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, УНИВЕРСИТЕТАМИ И МЕСТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ИНФОРМИРОВАННОСТИ И ПОИСКА ПУТЕЙ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА».

АЛЕКСЕЙ КУДРИН — АСПИРАНТ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА), ВЫПУСКНИК МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА» НА КАФЕДРЕ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СПбГУ.

«THERAPEUTIC FIELD»: EKATERINA CHIGALEICHIK AND ALEXEI KUDRIN ON LOW TECH, CLIMATE CHANGE AND ETHNO-ECOLOGICAL RESEARCH

Interviewed by Daria Bokadorova

TO CITE:

CHIGALEICHIK, E., KUDRIN, A. (AUTHORS), BOKADOROVA, D. (INT.). (2019). "THERAPEUTIC FIELD": EKATERINA CHIGALEICHIK AND ALEXEI KUDRIN ON LOW TECH, CLIMATE CHANGE AND ETHNO-ECOLOGICAL RESEARCH. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY, II(3–4)*, 397–405. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-397-405. (IN RUSSIAN).

Расскажите, пожалуйста, о проекте «Климат-Образование-Молодежь», который проводят СПбГУ и САФУ. Я знаю, что цель проекта – поиск решений проблем, связанных с климатическими изменениями, что в проекте задействованы разные специалисты, в том числе в области прикладной антропологии. По чьему заказу он проводится, что исследует антрополог в рамках этого проекта, как применяются результаты исследования?

[Е. Ч.] Наш проект финансируется программой Европейской Комиссии по развитию осведомленности об изменении климата среди молодежи Севера Raising awareness of climate change among young people of Northern Dimension regions. Организация-заявитель – Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге. Но партнеров в проекте больше: СПбГУ, САФУ, НКО РеСУРС («Региональная сеть устойчивого развития села»), зарегистрированное в Архангельской области, и наш международный партнер RELEARN SUDERBYN. Это НКО и экосообщество в Швеции.

Наверно, надо сказать о том, что научная задача у нас не первоочередная. Есть экспедиционная исследовательская часть: в первый год проекта мы ездили в деревни, брали интервью, теперь эти интервью обрабатываем и делаем выводы. Это все исследовательский процесс, но он в основном сейчас прикладной. Руководитель проекта Мария Тысячнюк выпустила несколько статей на материалах экспедиций¹, но в остальном команда сейчас сосредоточена на другом.

Наша задача – помочь людям адаптироваться к изменяющимся условиям климата. Это в городе нам изменения не слишком заметны, потому что в городе ты электричество включил, под одеяло залез, в магазин ходил. А когда ты в деревне – это совсем по-другому. Устройство жизни больше зависит от природного фактора. Многие трудности человек может переживать в течение нескольких лет, считая, что это просто какой-то год особенный: неурожайный, или слишком теплый, или слишком холодный, или влажный, но когда из года в год привычный режим погоды не повторяется, он начинает думать: «Так, с этим нужно что-то делать». Но что делать? Это требует некоторых мер адаптации: перестройки бытовых практик, иногда еще какого-то вмешательства. Наша задача в том, чтобы найти, где изменения климата предлагают людям самый большой вызов и со стороны качества жизни, и со стороны выживания, и понять, насколько люди готовы сами себе помочь. Выделив самые актуальные проблемы, мы ищем, какой проект люди могли бы реализовать у себя в деревне, чтобы нивелировать хотя бы часть трудностей, и финансируем эти проекты. Также почти везде мы реализуем образовательную составляющую, чтобы люди были в курсе, почему это все происходит. Сейчас у нас есть контакты в школах, администрациях, библиотеках, и мы будем разрабатывать образовательные материалы и доставлять

¹ [Petrov, Tysiachniouk 2019], [Tysiachniouk, Henry, Tulaeva 2019], [Tysiachniouk, Henry 2019], [Tulaeva, Tysiachniouk, Henry, Horowitz 2019], [Tysiachniouk, Olimpieva 2019].

их в деревни, туда, где люди хотят узнать о результатах наших исследований и научиться новому, готовы обсуждать проблемы и решения. Я бы сказала, что к этому проекту нужно относиться как к прикладному, который ориентирован на улучшение качества жизни в первую очередь, на активизацию и поддержку инициативы, на распространение информации и так далее. Научная составляющая, конечно, тоже присутствует. Например, мы касаемся таких антропологических вопросов, как восприятие людьми своих взаимоотношений с природой: насколько они чувствуют собственную зависимость от окружающей среды, от собственного типа природопользования, что они замечают в окружающей их природе, какие причины этому приписывают, как они на это реагируют, что они в связи с этим делают, как адаптируются. Мы изучаем эти вопросы этнографически. И здесь же рядом большое поле социальной проблематики: состояние инфраструктуры, готовность местных сообществ коллективно решать возникающие проблемы, возможности и ограничения местной власти, оторванность удаленных районов и многое другое.

[А. К.] Да, это сбор некоторых традиционных знаний, которые сами по себе отчасти культурное наследие. Изучение этих практик адаптации к изменяющимся условиям можно назвать этно-экологическим, но с прикладным «хвостом». Важно, мне кажется, сказать, что участники экспедиции не приезжают на место и не говорят: «Ребята, у вас все вот так меняется, мы вам сейчас расскажем, как меняется, делайте так, как мы вам скажем». Участники полевых выездов пытаются понять, что люди сами замечают и что делают, чтобы адаптироваться к изменяющимся условиям. Самые удачные и действенные местные решения можно через этот проект распространить, сделать их более доступными для других сообществ, которые находятся в похожих условиях — изменения эти, естественно, влияют на всех. Так что очень важно подчеркнуть именно информационную составляющую.

Я правильно понимаю, что прикладная часть этого проекта заключается в том, чтобы исследовать модель адаптации к климатическим условиям и передать эту модель кому-то другому?

[Е. Ч.] С одной стороны, да, исследовать адаптационные технологии и подходы, которые есть, и если они удачны, то их транслировать. С другой стороны, отдельно у нас есть задача собрать проблемы, для которых нет решения, и создать демонстрационные площадки, где заинтересованные люди занимались бы разработкой этих решений. Понятно, что речь идет о технических решениях, и их еще нужно воплотить и опробовать в конкретных условиях.

У меня есть замечательный пример, к нашему проекту он не относится, просто он прекраснейший. На Пинежье есть такая проблема, что холода наступают все позже и позже, очень долго не устанавливается лед на реке, и, соответственно, нет зимней переправы. А зимники — это базовый

элемент инфраструктуры, потому что дорог мало и они в плохом состоянии, переправ много, так как много рек, и люди многое перевозят зимой, когда стоит лед. Вот есть деревня, от которой до переправы достаточно далеко. В местной группе «ВКонтакте» висит объявление, что у переправы установили фотоловушку, и можно теперь отслеживать состояние переправы онлайн. По-моему, это просто и гениально. Ты сидишь в деревне дома, и как тебе узнать, что там с зимником? Ты думаешь: «Ну ладно, вроде бы нормально, тут же у нас речка стоит, я поеду». Ты садишься в машину, пилишь 150 километров до переправы, приезжаешь, а она не работает. И ты: «Ну ладно», — и обратно поехал свои 150 километров. А теперь установили фотоловушку, чтобы два раза в сутки была актуальная информация о том, лед есть или нет, по нему проехать реально или нереально. Мы не можем построить нормальную переправу, но хотя бы можем видеть ее состояние. То есть люди все равно находят какие-то способы выкручиваться.

Я очень вдохновилась этим примером, он по-своему гениальный. Правда, мы сами в проекте планируем решения, связанные не столько с инфраструктурой, сколько с природопользованием. Чтобы как-то нивелировать кошмары с режимом увлажнения территории, поздними заморозками, обмелением рек, исчезновением рыбы, неожиданными катастрофическими явлениями, которые учащаются. Понятно, что мы люди экологичные, поэтому нам важно, чтобы нововведения были природосообразны. Потому что часто так бывает, что как только появляются удобные решения, люди бодро за них берутся, не очень думая о последствиях, а потом не понимают, почему что-то идет не так.

Самый, наверно, печальный сюжет, который мы повсюду наблюдаем, это то, как люди с огромной ностальгией, с огромной гордостью вспоминают, как в советское время работал сплав, «вот у нас были рубки, вот это было время...» — и чуть не памятник бензопиле «Дружба». Я сейчас утрирую немного, но вот есть несколько деревень: в одной рубили лес, в другой — она на устье речки, которая выходит в озеро — лес сплавливали: деревья сбивали в кошелю и волокли по озеру. И сейчас местные с ностальгией вспоминают: «Вот у меня мама лесоруб, папа лесоруб, бабушка, дедушка и так далее». Но нет понимания, что сейчас происходят наводнения, сильное изменение погоды, обостряются пики влажности и температур, и все это связано с тем, что вырубали лес много лет назад. Нам говорят: «У нас неурожай, и в лесу не растет ничего». Конечно, лес же долго восстанавливается. Нет понимания этих причинно-следственных связей, соответственно, новые климатические условия никто не связывает со своей историей и деятельностью. Поэтому очень легко взяться за новую приспособу, сказать: «О, классно». А то, что через 20–30 лет это даст катастрофический эффект — надо заранее рассчитать. Поэтому нам важно, чтобы это были меры, которые, с одной стороны, давали бы свой эффект, с другой стороны, не приводили бы к коллапсу.

А у вас есть какой-нибудь пример, может быть, уже сформировано решение для какой-то проблемы этно-экологической?

[Е. Ч.] Мы в этом году в основном занимались исследованиями. Но у нас есть пара деревень, которые оказались очень активными. Они сразу сказали: да, мы хотим проект, сейчас мы придумаем проект. В одной деревне был клуб, который не отапливался зимой из-за стоимости электричества — там стоял обычный обогреватель. По сути, клуб месяцами стоял промерзший. Жители там сейчас строят себе энергоэффективную печь — такую, которая достаточно хорошо выдает тепло и хорошо его сохраняет. Но это не природная, а инфраструктурная проблема, связанная скорее с бюджетом, чем с изменением климата — так же, как с пинежской переправой.

[А. К.] Просто действительно эти социальные и экологические причины очень сильно переплетаются, и решать вопросы, связанные только с природопользованием, без внимания к социальной стороне, конечно, очень сложно.

[Е. Ч.] Да, климат, как мы поняли, по крайней мере, сейчас не был бы такой проблемой, если бы была нормальная инфраструктура. Но так как ее нет, то, как только в природе начинается что-то неожиданное происходить, люди сразу ощущают это на себе. Потому что там, где есть барьер материальной культуры, люди им защищаются, насколько могут, а где нет этого барьера, они сразу на своей шкуре все чувствуют. Все время приходится что-то изобретать, потому что природные условия становятся все более непредсказуемыми. Тут важно что? Дело же не в том, что у вас холодно. Если у вас 100 лет холодно, то это не проблема: вы, наверно, уже как-то адаптировались к этому. А когда у вас то холодно, то потеплело, вот снег выпал, а потом все растаяло, вот уже вроде холодно и лед начинает образовываться, к реке не подойти, но он еще не встал толком, чтобы на него выйти, и рыбачить никак, и переправы нет — и все это не предсказать, тогда вы должны стать суперадаптивными. Если ты живешь в деревне, то ты знаешь приметы, и многие из них работают: что в это время становится тепло и сухо, а в это время вероятны дожди. А теперь нет этой предсказуемости. Может быть почти что угодно. Сроки сезонов смещаются на месяц, весной приходит раннее тепло, а потом заморозки длятся до самого июля. В этих условиях нужно иметь какой-то запас технологий, чтобы минимизировать риски. Даже там, где у людей еще вполне все отлично, они процветают, уже начинаются такие заморозки, что растения начинают страдать и не хотят плодоносить. Поэтому нужны разные методы: с одной стороны, борьба с истощением земли, с другой стороны, защита растений — такие вот технологии мы хотим привнести. Но так как мы не хотим насильно добру подвергать и пользу причинять, то мы будем сейчас делать следующий виток общения с людьми в местах, в которых мы были, с тем, чтобы вместе с ними найти, что им актуально, и для них или с ними вместе разработать это все.

У меня уточняющий вопрос. Насколько традиционны те сообщества, к которым вы ездите?

[Е. Ч.] В общем, в основном это обычные постсоветские деревни. Бывает, конечно, локальная специфика. Есть сложившийся тип отношений с территорией и практики природопользования, которые на этой территории привычны и прижились. Можно называть их традиционными. Например, в некоторых районах Архангельской области почти каждый — охотник. «Мужик» и «охотник» там — почти синонимы. Это как в других местах есть оленеводы или все ходят за ягодами. Но сказать, что это традиция, что это «традиционные охотники или собиратели», как мы их обычно представляем — некая излишняя романтизация.

[А. К.] В нашем исследовании нет задачи выделить, что из того, что они делают, идентично тому, что делали их бабушки и дедушки. Важно, что они делают сейчас и что из этого получается. Что касается, например, ненцев или Кольского полуострова, куда состоялась одна из экспедиций: насколько мы можем считать оленеводство, распространенное там, традиционным? Конечно, оно сильно отличается от того, что в этнографической литературе называется «традиционным оленеводством».

[Е. Ч.] Если бы у нас было научное исследование по этой теме, то мы в любом случае взяли бы за отправную точку то, что мы считаем местной традицией, и дальше смотрели бы, как она в современных условиях изменяется. Но мы занимаемся другим. Нам важно, что некоторые укорененные вещи нельзя трогать, они просто есть, это привычка, фундамент, основа. К этому нужно относиться внимательно.

Проект «Климат-Образование-Молодежь» довольно масштабный даже на этапе антропологического исследования, вы посетили множество разных территорий, это требует определенного кадрового ресурса. Кого организаторы проекта привлекают для участия? Специалисты каких областей необходимы для разных этапов проекта?

[Е. Ч.] Мы очень стараемся привлечь студентов. С нами работают Северный Арктический федеральный университет, Санкт-Петербургский университет. Мы, как можем, пытаемся привлечь студентов и к исследовательской работе, и затем к разработке решений. Также нам очень нужно, чтобы была инженерная составляющая, для разработки простых технических средств, которые можно внедрить в сельских условиях, так называемый лоутек — как противоположность хайтеку. Лоутек — это когда ты взял и у себя на огороде из навоза и щепок создал что-то полезное. Еще одна часть — это образовательная. Я упоминала о том, что мы разрабатываем образовательные программы, которые можно проводить в школах, будем обучать педагогов — через игры, через интерактивные технологии. И разные просветительские материалы о климате и состоянии территории для взрослого населения. Соответственно, образование

и просвещение. Просвещение смыкается с четвертой частью — выставки, art&science. Выставки будут и в городах, и в деревнях. В Петербурге прошла первая выставка «Климат и люди» в Музее почвоведения. Собственно, это подведение итогов наших экспедиций 2019 года. Такие выставки мы будем возить по деревням. Результаты, некую рефлексию по поводу полученного в экспедициях материала, мы будем возвращать деревням: в виде методик, в виде образовательных программ и в виде выставок, в таком арт-ключе.

[А. К.] Вот буквально на прошлой неделе второй раз были в одном из тех мест, где проводилось исследование. Сейчас мы привезли туда выставку, которая была сделана художниками на основании собранных в рамках проекта полевых материалов. Ранее она выставлялась в Музее почвоведения в Санкт-Петербурге. Кроме того, в рамках этой поездки проводили семинары в местной библиотеке.

А это первый опыт прикладного характера исследований в вашей работе, в вашей исследовательской деятельности?

[Е. Ч.] Скажем так: в этом проекте я в первый раз отвечала за исследование: придумывала методику, список этапов, тем, способ обработки данных. До этого я участвовала в масштабном исследовании цыган в Ленинградской области². Там я была в группе полевых исследователей: ездила и брала интервью. Это тоже было прикладное исследование межкультурного напряжения и степени интеграции. В поле мы понимали, какую практическую задачу решаем. Когда идешь в поле, ты должен очень хорошо понимать свою задачу. Потому что иначе тебя унесет, и ты узнаешь все на свете, кроме того, что тебе нужно, и потом не будешь знать, что тебе делать с полученной информацией. На мой взгляд, когда у тебя есть прикладная задача, ты меньше уделяешь внимание тому, не приносишь ли ты чего-нибудь свое, не искажаешь ли поле. Ты не думаешь, что надо все только наблюдать и ни в коем случае не трогать. Наоборот, ты думаешь, как бы вмешаться во все окружающее, как бы повлиять, и желательно эффективно. В строго научном и в прикладном исследовании у тебя внимание по-разному работает, ты фокусируешься на разных вещах и даже чувствуешь себя по-разному.

² Исследование под руководством А. Н. Якимова, эксперта по работе с этническими меньшинствами и трудовыми мигрантами, координатора проектов БФ «ИСП-фонд», состояло из трех этапов: (1) «Комплексное исследование, посвященное социально-экономическим, этнокультурным и правовым аспектам интеграции цыган в Ленинградской области на территории Всеволожского, Гатчинского, Тосненского, Волховского, Лужского и Ломоносовского районов, в контексте гармонизации межнациональных отношений» (2016) по заказу Правительства Ленинградской области; (2) «Комплексное исследование социально-экономического, этнокультурного и правового аспектов интеграции цыган с местным сообществом в сельском поселении Верхние Осельки Всеволожского района Ленинградской области» (2016) по заказу Правительства Ленинградской области; (3) «Комплексное исследование социально-экономических, этнокультурных и правовых аспектов интеграции цыган в Ленинградской области в контексте гармонизации межнациональных отношений на территории Бокситогорского, Волосовского, Гатчинского, Киришского, Кировского, Подпорожского, Тосненского районов» (2017) по заказу Правительства Ленинградской области.

[А. К.] Что касается меня, то я проводил полевые исследования, но они касались исследовательских тем, не прикладных. Я тоже участвовал в проекте по исследованию цыган по заказу правительства в Ленинградской области в качестве полевого исследователя-волонтера. В проекте «Климат-Образование-Молодежь» также принимал участие как исследователь-волонтер во время поездок в Вологодскую область.

С точки зрения первого опыта в прикладной антропологии, с какими трудностями вы столкнулись в рамках своего проекта?

[Е. Ч.] Я бы сказала, что наше поле достаточно богатое в том смысле, что люди разговаривают с большим удовольствием, рассказывают. Окружающая среда — нейтральная тема, она не затрагивает сложные чувства. Спрашиваешь: «Как вы рыбу ловите?» — «Ну, беру и ловлю, вот так вот». Ты, конечно, выглядишь странно, когда задаешь людям простейшие вопросы: «А вот зимы такие же холодные, как раньше, или уже не так? А у вас наводнения бывают?» и так далее. Тебе отвечают: «Конечно, бывают — половодье каждый год, а вот два года назад такое наводнение было!». Это такая тематика, на которую идет отклик, респондентам нравится, что кто-то этим интересуется. Например, в Архангельской области у многих людей почему-то есть такая привычка — это, возможно, можно назвать традицией — они ведут дневники наблюдений за погодой. У некоторых взрослых людей есть тетрадка, в которой они пишут: такое-то число — река встала, такое-то число — оттепель, такое-то число — снег выпал на столько-то сантиметров. Или: птицы прилетели, скворцы запели на реке. Это на самом деле огромный массив данных, некоторые по 40 лет ведут такие дневники и с удовольствием их показывают.

Я вообще почти никаких проблем вспомнить не могу. Вот дорога — это затруднение. Надо, например, в определенную деревню поехать. А это 11 часов не от Питера, это 11 часов от Архангельска. В первый раз — очень впечатляющий опыт. А настоящая трудность, которую можно было бы назвать — это отсутствие инициативности. Самое болезненное место. Некоторые люди не считают себя компетентными в значимых вопросах. Обычная позиция: эти вопросы должна решать администрация или кто угодно еще, но не я, потому что что я могу? Еще работает фактор оттока населения. Люди, у которых есть инициатива, энергия и амбиции, уезжают из деревни, особенно молодежь. А те, кто остаются, мало что хотят. На мой взгляд, это одна из самых больших проблем деревни, наравне с отсутствием средств и слабой инфраструктурой.

[А. К.] В целом люди чувствуют себя немножко брошенными, поэтому, наверно, дело не только в том, что они вообще ничего в этой жизни не хотят. Я бы добавил, что в этом смысле прикладное исследование и для интервьюера, и информанта психологически намного проще. Почему? Я приведу пример из экспедиции на Северный Кавказ, она была в качестве полевой практики во время обучения в магистратуре. Мы приходим

в станицу, пытаемся у человека спросить, как у него тут с хозяйством, что он делает, что тут происходит. Он выдает тираду на двадцать минут о том, как все ужасно, что все «загибается», о том, что он пытается сделать и как ничего не выходит. В конце концов он говорит: ну все, ребята, до свиданья, у меня дела. Закрывается дверь, и ты понимаешь, что ты попросил у человека какую-то информацию, он тебе что-то рассказал, но ты ему вообще ничем помочь не можешь. Это такая обычная ситуация, с которой, наверное, сталкиваются все этнографы и антропологи.

[Е. Ч.] Такое бывает. Приезжаешь в поле, интервьюируешь жителей, тебе рассказывают обо всем и часто — о трудностях: «Вы же из Петербурга, вы же можете помочь». А что я могу? И к пятому, к десятому интервью ты уже немного не в себе, тебе нужно подышать, прийти в себя. А в таком практикоориентированном исследовании — проще, ты говоришь: «Окей, я могу помочь, но не любым образом. Вот так могу. Хотите? Давайте». И если такой вариант не подходит, ты идешь дальше. А если подходит — начинается действие. Таким образом, это очень терапевтическое поле. Оно в этом смысле благодатное.

Литература/References

- Petrov, A. N., Tysiachniouk, M. S. (2019). Benefit sharing in the Arctic: A systematic view. *Resources*, 8(3), 155.
- Tulaeva, S. A., Tysiachniouk, M. S., Henry, L. A., Horowitz, L. S. (2019). Globalizing extraction and indigenous rights in the Russian Arctic: The enduring role of the state in natural resource governance. *Resources*, 8(4), 179.
- Tysiachniouk, M. S., Henry, L., Tulaeva, S. A. (2019). Resilience, reindeer, oil, and climate change. In E. Zubrow, E. Meidinger, K. D. Connolly (Eds.). *The big thaw. Policy, governance, and climate change in the Circumpolar North*, 337–360. Albany: State University of New York Press.
- Tysiachniouk, M., Henry, L. (2019). Benefit sharing in Russia's resource extractive industries: When global standards meet local communities. *Likkejuridiikka. Finnish Business Law Journal*, 2019(2), 137–167.
- Tysiachniouk, M., Olimpieva, I. (2019). Caught between traditional ways of life and economic development: Interactions between indigenous peoples and an oil company in Numto Nature Park. *Arctic Review*, 2019(10), 56–78.